

Album Romanum: *Коллекция переводов*

*Переводы Вадима Алексеева **

От переводчика

Предлагаемая читателю поэтическая антология составлялась мною в течение десяти лет. Все это время я не был связан ни издательским заказом, ни каким-либо другим внешним стимулом, вынуждающим порой переводчика работать не из любви, а по расчету. Ни разу не изменил я своему принципу — браться за перевод стихотворения лишь тогда, когда оно меня чем-то поразило, восхитило или растрогало.

Переводить стихи знаменитых поэтов можно лишь от большого смирения (на какое, впрочем, способны лишь те, кто познал великую гордыню). Очень часто интерпретатору грозит искушение оставить на поэтической версии отпечаток своей переводческой индивидуальности, и очень редко, увы, он способен устоять перед этим соблазном. В результате мы, сами того не ведая, получаем порой представление о зарубежной поэтической классике по стилистически креолизированным переводам-гибридам, пусть даже и безупречным в плане версификационной техники. Существует целая переводческая школа, определяющая эту тенденцию, толкующая об индивидуальном стиле переводчика и защищающая сомнительный принцип «а я так вижу!».

Мне кажется, переводческий акт несовместим с желанием самовыразиться, хотя на практике это происходит довольно часто. В искусстве существуют такие области, где самовыражение просто неуместно, а иногда и кощунственно. Разве возможно оно, например, в иконописи? К такой области, по-моему, относится и стихотворный перевод. Я считаю, что стилистически креолизованный перевод исторически обречен — она посягает на культурные инварианты и ведет к знаковой спутанности, а без стабильных ориентиров в искусстве невозможна и традиция. Индивидуальный стиль великого поэта и есть такой ориентир. Воссоздать его в переводе — моя мечта.

* Алексеев В.В. *Album Romanum: Коллекция переводов* (М.: Прометей, 1989), 3–36, 50–96.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://imwerden.de>

Общепризнанно — ни в одном другом языке нет такого конкурса поэтических переводов, как в русском. Этому способствовали не только известные достоинства русского языка, но и принципиальный подход к стихотворному переводу, которым русская поэтическая традиция отличается от, например, западноевропейской. Поль Валери, имея в виду именно французскую традицию переложения стихов, игнорирующую передачу метра, рифмы, мелодии, звукозаписи подлинника, сравнил переводы великих поэтов с архитектурными чертежами, которые могут быть превосходными, но за которыми неразличимы сами дворцы, здания, храмы. Им недостает третьего измерения, которое превратило бы их из созданий мыслимых в зримые. С самого начала русская традиция поэтического перевода такой путь отвергла. Но стремление сохранить в переводе «третье измерение» оригинала зачастую влечет за собой такую трансформацию поэтического смысла, которая грозит превратить окончательную версию в другое стихотворение. Борьба за точность воссоздания и порождает множественность переводов.

А возможна ли трансформация без искажения? Теория перевода еще не дала безусловно положительного ответа на этот вопрос, хотя некоторые переводчики, в том числе и автор этих строк, не исключают такую возможность. Свою позицию я попытался обосновать теоретически ¹ и практически — многие переводы, включенные в эту коллекцию, я предлагаю рассмотреть в качестве иллюстраций, демонстрирующих научную состоятельность породившего их метода.

¹ См.: Алексеев В.В. «Французское стихотворение как объект перевода (на материале поэзии Ш. Бодлера, П. Верлена и С. Малларме)». Дисс... канд. филол. наук (Киев, 1988).

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ

К Лесбии

Измученный Катулл, не городи вздора,
Ведь то, что потерял, то обретать поздно,
Слепило в небесах тебя тогда солнце,
Когда ты прибегал, куда она скажет.
Ее любили мы, как никого в мире,
В забавах там провел ты с ней почти вечность,
Желанных для тебя, приятных ей тоже,
Слепило в небесах тебя тогда солнце!
Теперь ты ей постыл. Так будь и ты гордым,
Не смей бежать вослед, страдать не смей тоже.
Решение прими, стерпеть сумеи горе,
Любимая, прощай! Катулл теперь твердый,
Не спросит о тебе, тебя пройдет мимо,
Но будем мы страдать, одни во всем мире!
Жестокая, ответь, что ждет тебя в жизни?
Кто вспомнит о тебе, кто обожать станет?
Кого теперь любить, кому кусать губы?
А ты, Катулл, терпи. Попробуй стать твердым.

К Фабулу

Мой Фабулл, коли ты здоров, дружище,
Приходи ко мне завтра отобедать.
Да с собой прихвати еды получше,
Да вина, да смазливую девчонку,
Будь веселым ты к тому же. То-то славно
Посидим мы с тобой! А у Катулла
Кошелек, право, полон пауками.
И взамен ты получишь только дружбу.
Или вот еще что: я ароматом
Угощу тебя, тем, что подарила
Милой Лесбии добрая Венера.
Раз понюхаешь — взмолишься, чтоб боги
В нос всего тебя тотчас превратили!

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

К Левконое

Ты судьбу не пытай, верить грешно,
О, Левконое, в то,
Что тебе, а что мне жребий сулит,
И вавилонских книг
Не читай все равно. Лучше терпи,
Что б ни послал нам рок.
То ли тысячу зим мы проживем,
То ли всего одну,
Ту, что яростью волн гулко стучит
В этот гранитный брег.
Будь разумной, прошу, вина цеди,
Явь предпочти мечте.
Жизнь течет, и пока мы говорим,
Хмуρο бегут часы.
День летящий лови, меньше всего
Думай о том, что ждет.

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

Разочарование

Должна же где-то быть граница
Моим несчастиям? Бог весть.
Уже невзгод моих не счесть,
Во всем успел я усомниться.

Когда я выяснил, что есть
На свете истины крупица,
То все мне, надо ж так случиться,
Уже успело надоесть.

И все же Истина нетленной
Пребудет вечно во вселенной,
Ее не видит лишь глупец.

Вот и осталось мне на свете
Еще поплакать, и — конец.
А перед Богом все в ответе...

ШАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

Показчики

Как истерзанный зверь, что ревет от позора
На железной цепи, разъяренный жарой,
Пусть другие свой срам оголят пред тобой,
О циничная чернь, о продажная свора!

Дабы вызвать твой рык или радостный вой,
Чтобы вспыхнул огонь отупелого взора,
Пусть звереет другой от глумливого вздора,
Рвет сияющий плащ перед хищной толпой!

Лучше имя мое пусть забудут отныне,
Лучше пусть я умру в молчаливой гордыне,
Но тебе не продам этой пьяной тоски!

Не предам красоту поруганью уроды,
Не пойду танцевать в балаган под плевки
Проституток твоих и похабного сброда!

ЖОЗЕ МАРИА ДЕ ЭРЕДИА

Несс

Меж братьев я не знал в родимом табуне
Ни страсти, ни любви. Дитя свободы чистой,
Среди эпирских гор, где шепчет лес ручьистый,
Я гриву полоскал в студеной быстрине.

Я был красив и горд, и, радуясь весне,
Буграми сильных мышц играл мой торс плечистый,
Лишь запах кобылиц, душистый и лучистый,
Пронизывал порой огнем меня во сне.

Так будь же проклят день, когда Стимфальский лучник,
Герой безжалостный, в тот полдень злополучный
Доверил мне Жену — и страсть меня прожгла!

Ибо проклятый Зевс связал единой кровью
С жестокостью творца — и нету горше зла! —
Хотенье жеребца с людской святой любовью.

ФРАНСУА КОППЕ

Одиночество

Без стекол, без дверей, открыта всем ветрам,
Есть церковь. Говорят, став жертвою гордыни,
Повесился один в ней инок — и поныне,
Покинутый людьми, пустует божий храм.

Ни пенья, ни молитв, ни звона по утрам.
Повсюду мрак и тлен. Поруганы святыни.
Лишь палая листва повисла в паутине,
Да плиты на полу осквернил гнусный срам.

Сознание мое — такой же храм скандальный,
Холодный и пустой, забытый и опальный,
Где вместо божества зияет пустота.

Мой разум развращен сомнением надменным,
А мир вокруг меня пребудет неизменным,
Мне нечего просить у кроткого Христа.

АРМАН СЮЛЛИ ПРЮДОМ

Тени

Наша черная тень, словно глухонемая,
Ловит каждый наш жест, и покорной рабой
Подчиниться спешит нашей воле любой,
Произволу ее раболепно внимая.

Человек — та же тень. Некой силе слепой
Он послушен, как раб. В нем лишь воля чужая.
Он глядит — но не вглубь, и творит — подражая,
Он покорен Судьбе — не спорит с Судьбой.

Он от Ангела тень, той, что тоже предстала
Лишь как отзвук глухой от иного начала.
Это — Бог. Человек — лишь прообраз Его.

И в том мире, где нам не постичь ничего,
На краю бытия канет в вечном паденье
Тень от тени его, оттененная тенью.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Воспарение

Там, внизу — облака, там, внизу — города,
Горы, реки, озера — плывут как во сне.
Здесь — сияющий диск в фиолетовой тьме,
Здесь в эфире, летит за звездой звезда!

Мой рассудок, ты мечешься, как на костре,
То как смелый пловец — тебе все нипочем! —
Ты ныряешь во мрак, раздвигая плечом
Глубину бытия в сладострастной игре!

Унеси меня прочь! Эта жизнь — как миазм,
Дай отмыться от дряг в просветленной струе,
Дай глотнуть леденящее грудь питье,
Голубой эликсир, рвущий горло до спазм!

Позади суета ежедневных сует
Волочится за жизнью чугунным ядром,
Счастлив тот, кто рванулся упругим крылом
И вознесся к полям, излучающим свет!

Тот, чьи мысли легко, словно стаи стрижей.
К небесам направляют свободный полет,
Кто как бог, воспарив, вдохновенно прочтет
Откровенья цветов и безмолвных вещей!

Предсуществование

Я долго жил в дворцах, исполненных дремоты,
Где бликов золотых слепящие рои
Меж мощных колоннад сверкали в забыты
И в сумерках цвели базальтовые гроты.

И волны, преломив хрустальные струи,
Торжественно влекли падения и взлеты,
Сплавляя в зыбкой мгле таинственные ноты
С закатом, чьи огни зажгли зрочки мои.

О да, я долго жил роскошно и устало
Среди спокойных грез и медленных услад,
И голые рабы, ища мой скорбный взгляд,

Мне освежали лоб, качая опахала,
Стараясь с каждым днем все глубже проникать
В мучительный секрет, мне данный, чтоб страдать.

Соответствия

Природа — древний храм, где строй живых колонн
Обрывки смутных фраз роняет временами,
Мы входим в этот храм в смятенье, а за нами
Лес символов немых следит со всех сторон.

Как эха длинный вопль, блуждающий по кругу
В бездонной пустоте среди безмолвных гор,
Сливается с другим, так, словно зыбкий хор,
В нас запах, звук и цвет отвечают друг другу.

Есть запах чистоты. Он пахнет, как дитя,
И зелен, как трава, и тих, как зов гобоя;
Но много есть иных, развратных, что шутя

Способны расколоть сознание любое!
Так ладан и сандал, так мускус и бензой
Влекут лавины чувств и мыслей за собой.

Враг

Моя юность прошла, словно буря над садом!
В блеске призрачных солнц этот бешеный шквал
Сразу весь урожай погубил своим градом
И с деревьев листву, искромсав, посрывал.

Вот и буре конец. Только я уже вряд ли
Соберу в том саду золотые плоды,
Надо землю ровнять, брать лопату и грабли,
Но воздаст ли Господь за благие труды?

И найдут ли — как знать? — новых мыслей растенья
Нежный сок, что весной возбудит их цветенье
В почве, вымытой словно песок у реки?

Время точит наш дух, и мы стонем от боли,
А невидимый Враг, всем мольбам вопреки,
Жрет и жрет нашу плоть, свирепея все боле.

Неудача

Опять твой путь тернист и крут,
Сизиф! И пытка бесконечна,
Лишь с ней сравним мой тяжкий труд.
Жизнь коротка, Искусство — вечно.

Поэта сердце, что стучит,
Гремя, как барабан дырявый,
К погосту проклятому мчит
Прочь от гробниц, увитых славой.

Не счесть сокровищ под землей,
Они лежат, объаты мглой,
Их землекопы не отроют.

Опять цветы на склонах гор,
Ничей не вдохновляя взор,
Бутоны нежные раскроют.

Балкон

Мать воспоминаний, нежная из нежных,
О тебе все мысли, о тебе мечты,
Сколько провели мы вместе безмятежных
Вечеров сердечных, помнишь, я и ты?
Мать воспоминаний, нежная из нежных.

Розовели угли, меркнули огни.
Вечер на балконе. Сколько вожделенных
Унеслось мгновений! Где теперь они?
Мы тогда сказали столько слов нетленных!
Догорали угли, меркнули огни.

Как прекрасен вечер в сумраке закатов,
Как бездонно небо, как сильна любовь!
Над тобой склоняясь, ангел ароматов,
Я вдыхал, казалось, с ними твою кровь.
Как прозрачен вечер в сумраке закатов.

Я искал во мраке твой спокойный взгляд,
Два зрачка огромных в темноте кромешной,
Пил твое дыханье! О восторг! О яд!
Обнимал колени с нежностью безгрешной,
Я искал во мраке твой спокойный взгляд.

Я легко сумел бы воскресить былое,
Каждый миг счастливый воссоздать бы мог,
Идол незабвенный, существо родное,
Я провел бы вечность вновь у твоих ног,
Я легко сумел бы воскресить былое.

Только если время мчится все быстрее,
Возвратит ли бездна то, что поглотила,
Возродится ль снова из глубин морей
Утренней зарею ясное светило,
Даже если время мчится все быстрее?

Необратимость

Ангел, славящий жизнь, вам знакомы страдания?
Скорбь, отчаянье, страх, если, стиснув виски,
Проклинаешь весь мир от бессильной тоски?
А гримасы стыда, а ночные рыдания?
Ангел, славящий жизнь, вам знакомы страдания?

Ангел братской любви, вы зывали к отшельничеству?
Если, сжав кулаки от жестоких обид,
Человек небесам равнодушным грозит,
Отвергая того, кто призвал к всепрощению?
Ангел братской любви, вы зывали к отшельничеству?

Ангел добрых надежд, вы бывали в больницах,
Где свирепствует смерть? Вас бросало в озноб
От испуга, когда света жадного сноп
Восковой желтизной застывает на лицах?
Ангел добрых надежд, вы бывали в больницах?

Ангел вечной весны, вас пугали морщины?
Если старость пришлет эту черную весть,
Вам достанет ли сил, чтоб однажды прочесть
В ненаглядных глазах сострадание мужчины?
Ангел вечной весны, вас пугали морщины?

Ангел всех совершенств, целомудренный гений,
Царь Давид захотел, прежде чем умереть,
Рядом с телом твоим свои мощи согреть,
Я же, грешный, прошу только кротких молений!
Ангел, славящий жизнь, да святится твой гений!

* * *

Тебе мой гордый стих! Коль с именем моим
К брегам иных эпох, к благословенным склонам
Он счастливо дойдет, гонимый Аквилоном,
На белых парусах, как чудный серафим!

Потомкам о тебе напомнит мерный ритм,
Унылый, как тамтам. Ты, жившая когда-то,
В читательских умах останешься распята,
Повиснув на цепях моих волшебных рифм.

Проклятая, пойми, что в этом мире пошлом
Никто и никогда, ни в будущем, ни в прошлом
Тебя бы не вознес над смертною толпой!

Бронзоволикий бог, немое изваянье,
Сей мир поправшее бесплотною стопой,
В агатах глаз твоих победное сиянье!

* * *

О, что нам ей сказать, душа моя, сегодня,
Найдешь ли ты теперь высокие слова
Для той, на чьем челе печать лежит господня,
Для той, что дарит свет, которым ты жива?

Мы скажем: «Пред тобой все сущее греховно,
Святая, помолись когда-нибудь за нас,
Ты пахнешь ангелом и плоть твоя духовна,
Мы славим чудный свет твоих пречистых глаз!»

На улице, в толпе, где гам и мельтешенье,
Взывает к страждущим, что жаждут утешенья,
Твой Призрак, сотканный из ясного огня:

«Вселенная любви воистину бездонна!
Любите же добро! Послушайте меня!»
О ангел ласковый, о муза, о Мадонна!

Гармония вечера

Померк алтарь небес, и в час богослуженья
Торжественно зажглись кадилаицы-цветы,
Сквозь звуки аромат плывет из темноты,
Меланхолический вальс и томное круженье.

Торжественно зажглись тяжелые цветы,
И скрипки нежный стон дрожит в изнеможенье,
Меланхолический вальс и томное круженье,
Как много в небесах печальной доброты.

И скрипки нежный стон дрожит в изнеможенье,
А в робком сердце страх бездонной пустоты,
Как много в небесах печальной доброты,
Где тонет хладный диск в кровавом изверженье.

А в робком сердце страх бездонной пустоты,
Былого алый свет собрал все отраженье,
Где тонет хладный диск в кровавом изверженье:
Во мне блестит фиал, где спят твои мечты.

Приглашение к путешествию

О сестра, давай
Умчимся в тот край,
Где бесконечно блаженство,
Край волшебных грез,
Где не будет слез,
Где все, как ты, совершенство!
Солнца влажный блеск
И каналов плеск,
И черный плен глаз коварных
Оплели мой ум
Обаяньем дум,
Таинственных и лучезарных!

Край, где царит чистота,
Мир, свет и красота!

Там пышный покров
Из пестрых ковров
Наши украсит покои,
Там всюду цветы
Неземной красоты
Расставлены нежной рукою,
Там роскошь зал,
Глубина зеркал,
Прелесть, лоск и сиянье,
Там в светлой тиши
Все тайны души
В едином пребудут слиянье!

Там, где царит чистота,
Мир, свет и красота!

Хочешь — корабли,
Что в гавань зашли
Из дальних стран, — без промедленья
Выполнят сейчас
Любой твой приказ
И ждут твоего повеленья!
А вокруг закат,
Золотой каскад,
Весь в гиацинтовых отсветах,
Город затопил,
Который застыл
В глазах твоих, счастьем согретых,

Там, где царит чистота,
Мир, свет и красота!

Парижский сон

I

Пейзаж чудовищно-прекрасный,
Холодный, мертвый, неземной,
Мираж бездушный и ужасный
Был порожден сегодня мной.

Я истребил без снисхожденья
В нем все деревья — для того,
Чтобы живые насажденья
Не безобразили его.

Но, сладким мучимый соблазном,
Я изошренно сочетал
В его строю однообразном
Лишь воду, мрамор и металл.

Фонтаны, лестницы, аркады,
То был роскошный Вавилон,
Где в бездну рушились каскады
И рдело золото колонн.

И, низвергая вал за валом,
Весь в бриллиантовом огне,
Поток прозрачным покрывалом
Скользил по бронзовой стене.

Там, где литые колоннады
Застыли в зеркале воды,
Окаменелые наяды
Глядели в мертвые пруды.

Там камнем розово-зеленым
Свои оправив берега,
Текла к пределам отдаленным
Искристо-синяя река.

Там все являло откровенье,
Я мнил немое торжество
Зеркал, ослепших на мгновенье
От отраженья своего!

Там, в вышине, из урн бездонных
Срывались в пропасть предо мной
Лавины Гангов монотонных
Необозримою стеной.

Там, жертва собственных экстазов,
Впав в упоительный обман,
Я взором в бездну из алмазов
Обрушил бурный океан!

Везде глаза мои встречали
Отдохновенье и привет —
Там даже черный цвет печали
Мне излучал незримый свет.

Тот мир ни солнцем, ни луною
Не озарялся, ибо в нем
Все, что простерлось предо мною,
Светилось собственным огнем!

Я созерцал свои владенья,
Но что за сон приснился мне?
О ужас! Все мои виденья
Сменялись в мертвой тишине!

II

Открыв глаза, я вдруг проснулся.
Но, отрешась от забвения,
Я тотчас вновь соприкоснулся
С угрюмой прозой бытия.

Часы, охрипшие от боя,
Уже рекли средину дня,
И безразличие тупое
Вновь переполнило меня.

Смерть влюбленных

Мы уснем вдали от забот мятежных
Самым кротким сном в самый светлый час,
И под томный вальс ароматов нежных
Всех времен цветы расцветут для нас.

И огнем живым вглубь миров безбрежных
Побежит легко, как в последний раз,
Бесконечный ряд отражений смежных
Между двух зеркал наших ясных глаз.

В синей мгле закат догорит, печальный,
Мой недвижимый взгляд, словно крик прощальный,
Твой застывший взор отразит светло,

А потом войдет Ангел новой встречи,
Он прикроет дверь, и протрет стекло,
И засветит вновь в нашей спальне свечи.

Сосредоточение

Ну полно, Боль моя, уймись и будь послушной,
Довольно! Отвернись от мерзостей людских.
Уж Вечер близится, неся в наш город душный
Забвеньё — для одних, заботы — для других.

Опять на гнусный пир, бессовестный и скучный,
Пускай рабы Страстей разнузданных своих,
Безумные, бегут толпою малодушной!
О Боль моя, дай руку мне, уйдем от них

Подальше. Посмотри — в одеждах алых Годы
Склонились над водой с балконов небосвода,
Вот отблеском косым прощального луча

В портале траурном Закат померкнул пышно,
И, саван черный свой с Востока волоча,
К нам бархатная Ночь спускается неслышно.

Лесбос

Эту землю воспеть повелела мне Муза.
Лесбос! Остров любви, где под сенью деревьев
Поцелуи свежи, словно мякоть арбуза,
На невинных устах целомудренных дев,
Эту землю воспеть повелела мне Муза.

Там срываются вниз поцелуев каскады
И летят с высоты, чтобы с ревом упасть
В вожделенный провал, как бездумное стадо,
И на миг утолить воспаленную страсть,
Там срываются вниз поцелуев каскады.

Там ничей еще вздох не остался без эха,
Рай, где Фрины Харит настигают легко,
Где Венера сама среди плясок и смеха
Пожалеть бы могла, что она не Сафо,
Там ничей еще вздох не остался без эха.

Круглый год там трава зелена и упруга,
И прозрачна вода, и дубрава густа,
Там подругу, смеясь, обнимает подруга,
И глядит ей в глаза, и целует в уста,
Круглый год там трава зелена и упруга.

Пусть же старый Платон хвалит строгие нравы,
Лесбос, царь всех царей, как легка твоя власть,
Ты снимаешь запрет на священное право
Совершенствовать культ, изощряющий страсть,
Пусть же старый Платон хвалит строгие нравы.

Ты умеешь прощать добровольную пытку,
Чей оплот нерушим в горделивых сердцах,
И низводишь на нет в них любую попытку
Обрести благодать на иных небесах,
Ты умеешь прощать добровольную пытку.

Лесбос, кто из богов осудить тебя смеет?
Твой удел без того непомерно жесток,
Даже тысячи солнц иссушить не сумеют
Твоих пролитых слез светоносный поток,
Лесбос, кто из богов осудить тебя смеет?

О подруги Сафо, нет ни Ада, ни Рая,
Так не бойтесь греха, возликуйте же вновь.
Ваша вера чиста, как любая другая,
И над миром еще посмеется любовь!
О подруги Сафо, нет ни Ада, ни Рая.

Жрицы тайной любви, по велению долга
Я слагаю вам гимн, искупающий грех,
Ваш зловещий восторг мне знаком уже долго,
В нем сквозь слезы звучит необузданный смех.
Я слагаю вам гимн по велению долга.

И с тех пор я стою на вершине Левката,
Как дозорный солдат, что, вперя свой взор
В неоглядную даль, от зари до заката
Провожает мечту в безвозвратный простор,
И с тех пор я стою на вершине Левката.

Чтоб узнать, всем ли смерть принесет утешенье,
В час, когда скорбный диск над волнами застыл,
Лег на берег любви, что дарует прощенье,
Труп прекрасной Сафо, труп, который уплыл,
Чтоб узнать, всем ли смерть принесет утешенье.

Прекрасный труп Сафо, любовницы, поэта,
Покинувшей скорбей непрочную юдоль!
Синий взор сокрушен взором черного цвета,
Чей сумеречный круг перечеркнула боль
Поруганной Сафо, любовницы, поэта.

Сафо, что отдалась на скотское глумленье
Надменному самцу, чей похотливый взор
Невинную толкнул на клятвопреступленье,
Да смоев Океан чудовищный позор
Сафо, что отдалась на скотское глумленье!

Так славься же в веках, соперница Венеры,
Чьей прелестью весь мир подлунный осиян,
Пускай ты умерла во имя древней веры,
Тобою восхищен великий Океан!
Так славься же в веках, соперница Венеры!

Только Лесбос с тех пор оглашают рыдания,
И, не внемля хвале, что звучит в его честь,
Древний остров любви источает страданье,
И возносится ввысь безутешная весть,
Только Лесбос с тех пор оглашают рыдания.

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

Окна

Как слабый человек, оставленный в больнице
Среди постылых стен, подымлет жадный взор
К распятью, что глядит, зевая, как клубится
Зловонный фимиам в банальной складке штор,

И, в корчах распрямив свое гнилое тело,
Он тянется к окну, где буйствует рассвет,
Прильнувши лбом к стеклу, впивать оцепенело
Щетинистым лицом прекрасный, яркий свет,

И воспаленный рот, изведав скорбь утраты,
А прежде юный, пить восторг лазурных струй,
И пачкает слюной горячие квадраты,
Вонзая в пустоту блаженный поцелуй,

И, презирая смрад кадила и елея,
И время, что течет бессмысленно и зря,
Смотреть через стекло, от радости хмелея,
Как медленно встает кровавая заря,

Где золотых галер воздушные армады,
Как лебеди, плывут по пурпурной реке,
Чьи сеют молнии душистые громады
С такой беспечностью в лазурном далеке!

Так, оскорбясь, душой, погрязшей в липкой мрази,
Где жрет само себя, вдыхая смрадный чад,
Желанье отыскать ошметки этой грязи
И матери вручить, кормящей своих чад.

И я припал к окну в бессилии жестоком,
Чтоб не смотреть вокруг и, в зеркале стекла,
Омытом голубым, как золото, потоком,
Узреть и возомнить из грязного угла:

Я — Ангел! Я люблю, я жду, я умираю.
Пусть стекла будут сном, условностью, мечтой,
Что рвется изнутри к возвышенному краю,
Как лучезарный нимб, зажженный Красотой!

Но тщетно, этот мир сильнее. Его уродство
Низвергнуло меня в блевотину и гной,
И вот, осатанев от мерзости и скотства,
Я зажимаю нос перед голубизной!

И, выломав кристалл, измученный, теперь я,
Как оскверненный монстр, ползу на животе,
Чтоб выброситься вниз на крыльях без перьев!
— Рискаю не упасть в бездонной пустоте?

Звонарь

На заре с колокольни, когда переливы
Рассыпаются нежно, как звон хрусталя,
Где лопочет младенец и шепчут оливы,
И душистые пахнут лавандой поля,

Над челом звонаря прянет птица пугливо,
Он с лампадой в руке, на латыни скуля,
Воспарив на веревке, канючит тоскливо,
Еле слышимый гул иступленно хуля!

Тот звонарь — это я. Жадной ночью туманной,
Оперенный грехом, я звоню в Идеал,
Извлекая в ответ, сквозь дрожащий металл,

Только хрипы и хлипы из полости странной.
Сатана! Но однажды и я утомлюсь,
Выну камень из петли — и в ней удавлюсь.

Летняя печаль

В улыбке пополам с подавленным зевком
Мешая горечь слез с беспечностью влюбленной,
Ты дремлешь, ослабев, сомлевшая, ничком
Под солнцем, на песке — от страсти утоленной.

Был в странной тишине так глух и незнаком,
О робость губ моих! твой голос утомленный:
«Нам в мумию одну в гробнице под песком
Не слиться никогда в пустыне раскаленной!»

Но волосы твои — та теплая река,
Где душу утопить, уснуть бы на века,
Достичь Небытия... О, если бы ты знала!

Поплачь, я выпью тушь с ресниц твоих, и в ней,
Быть может, отыщу для сердца, что устало,
Покой голубизны, бесчувственность камней.

Вздых

К веснушчатому дню, где дремлет, светл и тих,
Осенний теплый лоб в рыжинках золотых,
И к зыбким небесам заоблачного взгляда
Влечет мой грустный взор, как будто в чаше сада
Вздыхающий фонтан к лазурной вышине,
К Лазури, что, смеясь в зеркальной глубине,
Любуется своим бездонным отраженьем,
Роняя вниз, вослед за мертвенным круженьем
Листа, что проалел холодной бороздой,
Свой длинный желтый луч, надломленный водой.

Лазурь

Надменная лазурь, предел земных сомнений,
Глядящая в упор, бездушно, как цветы,
Униженный поэт хулит твой ясный гений
Сквозь золотую боль слепящей пустоты.

Зажмурившись, бегу. Но чувствую ликуя,
Она глядит, глядит, как совести укор,
Насмешливо и зло! Какую ночь, какую
Швырнуть, швырнуть, швырнуть в ее бесстыдный взор?!

О морок, защити от этой наглой сини!
Пусть нудные дожди, пронизанные мглой,
Размажут липкий мрак по слякотной трясине,
Зыбучим потолком повиснув над землей.

Проснись и ты, заткни, вздымая длинной лапой
Со дна летейского зловонное гнилье,
О Скука, затяни, молю тебя, заляпай
Проломы синих дыр, плодящих воронье.

Еще! Пусть сотни труб дымятся, злопыхая,
И сажи жирный склеп блуждающей тюрьмой
Поглотит небосвод, и немота глухая
Сольется навсегда с вселенской мертвой тьмой!

Все! Небо умерло. Греховная, в тебе я,
Материя, хочу забыться навсегда
На пастбище твоём угаженном, тупея,
Где разлеглись людей счастливые стада!

Низверженный к идей возвышенных подножью,
Мой мозг, опустошась, как баночка румян,
Устал гримировать своей постыдной ложью
Зевающей Мечты уродливый изъян...

Но вот опять, лазурь, мне слышно, то и дело,
Сквозь гул колоколов — довольно! я устал! —
Как в злобной глубине, ревя осатанело,
Молитвенную синь струит живой металл!

Он рушится сквозь мрак, как благовест победный,
Пронзая, словно меч, тщету душевных бурь,
Куда теперь бежать от этой пытки медной?
Во мне гудит лазурь! лазурь! лазурь! лазурь!

Подаяние

На, Нищий, но пока, дабы убраться вон,
Иссохшего сосца задерганное вымя
Кругляш за кругляшом не выжмешь этот звон.

И странного греха задумчивое имя...
Под пылкий рев фанфар слюнявыми, скорей,
И вдуй, чтобы свилось, хрипливое, своими.

Охряпистый болван с подскоком у дверей,
Не хочешь ли нюхнуть щекочущими зелье,
Которое, давай, кури его, ноздрей.

И вдребезги дурман стеклянное веселье!
В заманчивых вещах узнать известный толк?
И пей свою слюну, счастливый от безделья.

С прелестного бедра срывать, быть может, шелк?
На нищего глядят нарядные красотки,
Шум княжеских кафе пока еще не смолк.

Ты выйдешь, старый бог, с коленцами в походке,
И выпустишь струю, урча своим нутром,
И звезды у тебя тогда зажгутся в глотке!

Ты можешь сверх того украсить пером
И засветить свечу дорогою обратной
Святому — разрази меня на месте гром!

Не вздумай понимать, что речь мою превратной.
Ты будешь подыхать — я стану глух и слеп,
Поэтому прощай, забудь меня, о брат мой.

Смотри же, не купи на эти деньги хлеб!

* * *

Едва коснется тень заветного числа,
Как давняя мечта под сводами гробницы,
До ломоты в костях, желанная, приснится,
Победно распрямив во мне свои крыла.

В эбеновом дворце, где смерть переплела
— О, царственный соблазн! — созвучий вереницы,
Ты будешь, как гордец, обманутый в темнице,
Чей одинокий взор вдруг ослепила мгла.

Когда из звездных бездн, как отзвук иноверий,
Падет вселенский блик причудливых мистерий
На недостойный мир сквозь вечное всегда,

Пространство, возродясь, отвергнет изначальность
И низкие огни покатаются, — тогда
Астральным таинством зажжется гениальность.

Лебедь

Неправда! Разве он не в силах разорвать
Хмелеющим крылом покров остекленелый,
Пленительную гладь, где стиснул иней белый
Полетов стылый лед, которым не бывать!

Величественный царь без права выбирать
Среди надмирных грез высокого удела,
Где нет чтоб воспарить, чем ждать оцепенело,
Когда грядет зимы пронзительная рать!

Насильственный простор отвергнув с содроганьем,
Он гордо отряхнет предсмертное страданье
И не поднимет впредь заиндевелых крыл.

И Призрак, чьи черты светились там все боле
Бессильем ледяным, презрительный, застыл,
Как Лебедь, что уснул в бессмысленной неволе.

* * *

Бессонницы числом астрального декора
Над ониксом ногтей немотствующий фикс,
Как Феникс, окрылясь, из пепла явит икс,
Но амфора пуста для траурного сбора.

Оглохшей скорлупой мерцает гулкий мникс,
Пустой библибилон ликующего вздора,
Которой, час настал, Хранитель Уговора
Исчерпать обречен слезами полный Стикс.

На севере, застыв в плену зеркальном взора
Над схваткой родовой, где крест вакантный, скоро
Узрит единорог ее бесплотных никс,

Нагая, мертвая, без скорбного убора,
Невинным облачком в потемках коридора
Семь отраженных звезд, подобно, сакрификс.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Через три года

Толкнувши дверь, под скрип заржавленных петель
Я медленно вошел, предчувствуя обман,
В тот садик, где, блестя сквозь утренний туман,
Искрилася листвы росистая купель.

Все так, как было. Я проверил все: тоннель
Хмельного лозняка и трепетный платан,
И в чуткой тишине чуть слышимый фонтан
Роняет с шепотом серебряным капель.

И розы, как тогда, дрожали, как тогда
Кувшинки ветерок ласкал, едва дыша,
Здесь каждый стебелек я вспомнил без труда.

Я также отыскал Веледу у воды,
Чья гипсовая плоть истлела и, шурша,
Все сыплется под пошлый запах резеды.

Томление

Я — одрябший изнеженный Рим, что, давясь от зевоты,
Сочиняет от нечего делать чудной акростих,
А на кончике стилия танцует в лучах золотых
Слишком долгий закат, погружаясь в трясины дремоты.

Что такое, Аврелий, очнись, почему ты притих?
Ах, Батилл, нехороший, пусти наконец, ну чего ты...
Повалившись на стол, вот свинья, прямо в лужу блевоты,
Сотрапезник, икая, хрипит среди кубков пустых.

И бегут легионы, и варвары рвутся к столице,
Вам повсюду мерещатся их идиотские лица,
Ах, все выпито, съедено все, да чего тут жалеть!

Из провинции снова приходят тревожные вести,
И ваш раб начинает, пожалуй, немножко наглеть,
И такая, такая тоска! А душа не на месте...

Моя сокровенная мечта

Мне нравится мечтать о женщине одной,
Что мне с ней хорошо, и ей со мною тоже,
Что все в ней на нее всегда так не похоже,
И мне с ней хорошо вдвоем, а ей со мной.

Она умеет быть и не совсем иной,
И не такой как все. Она — одна. О боже,
Пусть это только сон, я знаю, пусть, и все же
Мне дорог мой обман, наивный и блажной.

Блондинка ли она, брюнетка, что мне в этом?
А имя у нее, наполненное светом,
Из звонких тех имен, что вверены Судьбе.

И взгляд ее похож на статуи взгляд далекий,
А голос, он хранит, торжественный, в себе
Смысл изначальный слов утраченных, глубокий.

Обет

Ах, первая любовь, томленья, розы-грезы,
О странные глаза застенчивых подруг,
О трепетный союз еще не смелых рук,
О клятвы, о слова, о боже — эти слезы!

О боже, с той поры лишь ропот и угрозы
Невидимых врагов мне чудятся вокруг,
Весну моих утрат зима сменила вдруг,
И вот уж дни мои полны угрюмой прозы.

И, словно сирота безродный, с той поры
Один, совсем один, без брата и сестры,
Я горестно терплю несчастье за несчастьем.

О та, что и без слов привыкла понимать,
О женщина! Когда, с заботой и участием
Она порою в лоб целует нас, как мать.

* * *

Надежда вновь блестит соломинкой в сарае,
Хватайся за нее, не думай о былом.
Бьют полдень. Спи. Оса кружится над столом,
А ты все ждешь, свой лоб руками подпирая.

Ах, бледная душа, и столько лет спустя
Ты не устала ждать. Бьют полдень. Это снится.
Пей! Вот вода, и жди. А я, сомкнув ресницы,
Забормочу сквозь сон, как кроткое дитя...

Бьют полдень. Ах, мадам, уйдите, ради бога,
Пусть он еще поспит, да-да, еще немного...
И гул ее шагов все чудится ему.

Как камушек из рук сквозь брызнувшие слезы,
Надежда падает в таинственную тьму...
Когда же зацветут сентябрьские розы!

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Листва

Счастливая пора грядет, животворя,
И все короче тень, и редко непогода,
Сверкая, омрачит сиянье небосвода,
И с каждым днем светлей вечерняя заря.

И амбру белую, и гроздь янтаря,
И пурпур глянцевый обильная природа
К плечам и к наготе раздвоенного плода
Склоняет, как дары к подножью алтаря.

И тянутся к листве по руслам волокнистым
Подземные ключи, чтоб сумраком тенистым
Пролиться в марево пылающего дня.

И в тихом шелесте садов благословенных
— Ты слышишь? — плещутся, прохладой маня,
Незримые струи фонтанов сокровенных.

Отпечаток

Пускай мне не дано в сверкающем металле
Навек запечатлеть свой профиль или фас,
Ведь боги все равно не каждому из нас
Оставить на земле свой след предназначали.

Я изваял свой лик на глиняной медали,
Где трещины легли морщинами у глаз,
Дополнив мой портрет. И странно, всякий раз
Я замечаю в нем все новые детали.

Ах, все пройдет, но я, зажмурившись, в тоске
Оставить от себя желаю на песке
Под гулкой рокот волн, задумчивый и мерный,

Свой оттиск призрачный, бегущий в никуда,
И в нем — лицо мое, чей слепок эфемерный
С волной нахлынувшей растает без следа.

Садовый вор

Поскольку местный фавн, хитрюга и обжора,
Крал мед и виноград, хозяева садов,
Желая оградить плоды своих трудов,
Решили проучить бессовестного вора.

Лишь я не одобрял такого приговора,
Принципиальный враг капканов и кнутов,
Однажды, затаясь в саду среди кустов,
Я за ухо схватил воришку у забора.

Врасплох застигнутый, бедняга испугался,
Он был рыж, волосат, и совсем не брыкался,
Виновато скуля, он кривлялся как мог.

И когда я его, проведя за ограду,
Отпустил — он задал стрекача со всех ног —
Только топот копытца пронесся по саду.

Пленница

Ты бросилась бежать, проворна и легка,
Дав мне пощечину за дерзкое вторжение,
Твой слишком гордый нрав не вынес униженья,
Когда тебе на грудь легла моя рука.

Беги же, так и быть, беда невелика,
Но знай — тебя найдет мое воображенье,
Ибо мой быстрый взор, сковав твои движенья,
Тебя уже пленил, отныне — на века!

В том месте, где сейчас стояла ты, нагая,
Я глыбу мрамора воздвигну, дорогая,
И, сняв за слоем слой отточенным резцом

Тяжелую кору со статуи холодной,
Я обнажу твой стан, прекрасный и бесплодный,
И вновь упыюсь твоим разгневанным лицом!

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Роза и Мильтон

О розы, безымянные в веках,
Уходят в вечность ваши поколенья,
Я лишь одну спасаю от забвенья
В нетленных поэтических строках!

Да не иссушит ветра дуновение
Росу на благовонных лепестках
Последней розы, что держал в руках
Слепой поэт, о скорбное мгновенье!

Тот сад, где розы Мильтона цвели,
Уже, быть может, стерт с лица земли,
Лишь над одной я отвратил угрозу.

Пусть это самый хрупкий из цветков!
Я воскресил из темноты веков
Глубокую, невидимую розу.

Эдипова загадка

О четырех ногах он в час рассвета,
Двуногий днем, а вечером трехногий,
Кто этот зверь, единый и премногий?
Бесстрастный сфинкс от смертных ждал ответа.

Мы суть Эдип. Он, к зеркалу прильнувший,
Есть тот, кто разгадал в отображенье
Чудовищного монстра — отраженье
Своей судьбы, его не обманувшей.

В эдиповой загадке, как в кошмаре,
Плодятся формы триединой твари,
Сплошной и непрерывной, как мгновенье.

Ваятель этой формы многоликой
Нам ниспослал из милости великой
Спасительный, бесценный дар забвенья.

Everness

Одной лишь только вещи нет — забвенья,
Господь, спася металл, хранит и шлаки,
И плевелы исчислены, и злаки,
Все времена — и каждое мгновенье.
Все обратимо: сонмы отражений
Меж двух зеркал рассвета и заката
Хранят следы твоих отображений
И тех, кто отложились в них когда-то.
Любая вещь останется нетленной
В кристалле этой памяти — вселенной,
Где мыслимы любые расстоянья.
Ты здесь бредешь по долгим коридорам,
Не знающим предела. За которым
Увидишь Архетипы и Сиянья.

Пробуждение

И прынул свет! Кружась в сознание спящем,
Обрывки снов к былому сну восходят,
И вещи неминуемо находят
Свои места в постылом настоящем.
Мне грезились: миграции сквозь время
Птиц и народов, орды, легионы,
Рим, Карфаген, руины, казни, троны,
Всех прошлых лет мучительное бремя!
А вот и возвращается сегодня:
Мое лицо, мой голос, ноги, руки,
Цвета и формы, запахи и звуки,
И память — наказание Господне!
Довольно снов! В одном из пробуждений
Увидишь мир без этих наваждений.

Religio Medici, 1643

Спаси меня, о Господи. (Взываю
К тому, чье имя — звук пустой, и все же,
Как если бы Ты слышал это, Боже,
Лишь на Тебя с надеждой уповаю.)
Дай мне защиту от себя. Об этом
Тебя просили Браун, Монтень, а также
Один испанец. Господи, вот так же,
О Всемогущий, сжался над поэтом!
Спаси меня от жажды смерти. Дважды,
Поскольку нет возврата человеку,
Нельзя войти в одну и ту же реку
В нее уже вступившему однажды.
Пускай мне смерть навек закроет вежды,
Не от нее спаси, но от надежды.

В лабиринте

О ужас, эти каменные сети
И Зевсу не распутать. Изможденный,
Бреду сквозь лабиринт. Я осужденный.
На бесконечно-длинном парапете
Застыла пыль. Прямые галереи,
Измеренные долгими шагами,
Секретными свиваются кругами
Вокруг истекших лет. Хочу быстрее
Идти, но только падаю. И снова
Мне чудятся в сгущающемся мраке
То жуткие светящиеся зраки,
То рев звериный. Или эхо рева.
Иду. За поворотом, в отдаленье,
Быть может, затаился наготове
Тот, кто так долго жаждал свежей крови.
Я столь же долго жажду избавленья.
Мы оба ищем встречи. Как и прежде,
Я верю этой меркнувшей надежде.

Лабиринт

Мир — лабиринт. Ни выхода, ни входа,
Ни центра нет в чудовищном застенке.
Ты здесь бредешь сквозь узкие простенки
На ощупь, в темноте — и нет исхода.
Напрасно ждешь, что путь твой сам собою,
Когда он вновь заставит сделать выбор,
Который вновь заставит сделать выбор,
Закончится. Ты осужден судьбою.
Вдоль бесконечных каменных отростков
Двуногий бык, роняя клочья пены,
Чей вид приводит в ужас эти стены,
Как ты, блуждает в чаще перекрестков.
Бреду сквозь лабиринт, уже не веря,
Что повстречаю в нем хотя бы зверя.

Он

Ты — слеп. Твой взор сожженный ненавидит
Палящий диск, зияющий зловеще,
Теперь ты лишь ощупываешь вещи.
Он — свет, отныне черный, он все видит:
Мутации луны, жерло клепсидры,
И то, как отдают земные недра
Свой скудный сок корням упорным кедра,
В нем рдеют тигры и чернеют гидры.
Как скопище несметных повторений,
Глядящихся в свое отображенье,
Он — сущего живое отраженье
И каждое из собственных творений.
Я звался Каином. Познав мои страданья,
Господь украсил адом мирозданье.

Угрызение

Я совершил тягчайший из грехов,
Я не был счастлив, нет мне оправданья,
Извел я годы, полные страданья,
На поиски несбыточных стихов.
Родители мои меня зачали
Для тверди, влаги, ветра и огня,
Ласкали и лелеяли меня,
А я их предал. Горше нет печали.
Проклятье мне. Я тот, кто дал созреть
В своем уме, очищенном от чувства,
Обманчивым симметриям искусства.
Я их взалкал. А должен был презреть.
Пусть я проклят с самого зачатья,
Веди меня вперед, мое проклятье!

Фрагменты апокрифического евангелия

3. Горе нищему духом, ибо под землей пребудет то, что ныне попирает ее.
4. Горе плачущему, ибо не отвыкнет уже от жалких стенаний своих.
5. Счастливы знающие, что страдание лавром не венчает себя.
6. Мало быть последним, чтобы стать когда-нибудь первым.
7. Счастлив не настаивающий на правоте своей, ибо никто не прав либо все правы.
8. Счастливы прощающие ближних своих, счастлив прощающий самого себя.
9. Благословенны кроткие, ибо не опускаются до распрей и раздоров.
10. Благословенны не алчущие и не жаждущие правды, ибо ведают, что удел человеческий, злосчастный или счастливый, сотворяется случаем, который непостижим.
11. Благословенны сострадающие, ибо милосердием счастливы, а не упованием, что зачтется им.
12. Благословенны чистые сердцем, ибо пряма их дорога к Господу.
13. Благословенны изгнанные за правду, ибо правда превыше для них, чем собственный человеческий удел.
14. Ни один человек не есть соль земли. Никто, ни одно мгновение своей жизни не был ею и не будет.
15. Пусть догорит светильник и никто не увидит его. Бог увидит.
16. Нет нерушимых заветов, ни тех, что от меня, ни тех, что от пророков.

17. Кто убивает во имя правды или хотя бы верит в свою правоту, не знает вины.
18. Не заслуживает содеянное человеком ни адского пламени, ни благодати небесной.
19. Не испытывай ненависти к врагу, ибо, возненавидев, станешь отчасти уже и рабом его. Никогда твоя ненависть лучше не будет мира в душе твоей.
20. Если соблазняет тебя правая рука, прости ее; вот тело твое, вот душа, и очень трудно, даже невозможно положить границу, которая их разделяет...
24. Не преувеличивай праведность свою; нет человека, который в течение дня несколько раз не солгал бы, ведая, что творит.
25. Не клянись, ибо всякая клятва высокопарна.
26. Противься злу, но без страха и гнева. Ударившему тебя по щеке можешь подставить и другую, лишь бы при этом ты не испытывал страха.
27. Я не говорю ни о мести, ни о прощении. Забвение — вот единственная месть и единственное прощение.
28. Делать доброе врагу могут праведники, что не очень трудно; любить его — удел ангелов, не людей.
29. Делать доброе врагу есть лучший способ тщиться в себе гордыню.
30. Не собирай себе золота на земле, ибо золото порождает праздность, а праздность есть источник печали и отвращения.
31. Думай, что другие правы или будут правы, а если правда не за тобой — себя не вини.
32. Господь превосходит милостью людей, мерит их иною мерою.
33. Дай святыню псам, кинь жемчуг свой перед свиньями. Всему воздай, что положено.
34. Ищи ради счастья искать, но не находить...
39. Врата выбирают входящего. Не человек.
40. Не суди о дереве по плодам, а о человеке по делам, могут быть лучшие и худшие.
41. Ничто не строится на камне, всё на песке, но долг человеческий строить, как если бы камнем был песок...
47. Счастлив независтливый бедняк, счастлив незаносчивый богач.
48. Счастливы сильные духом, без страха выбирающие путь, без страха принимающие славу.
49. Счастливы запечатлевшие в памяти слова Вергилия и Христа, коих свет озаряет их дни.
50. Счастливы любящие и любимые, и те, кто может обойтись без любви.
51. Счастливы счастливые.

Комментарий

ЖОЗЕ МАРИА ДЕ ЭРЕДИА

Несс

Несс — кентавр, перевозивший на своей спине путников через Эвен. Эту услугу он предложил и Гераклу, который возвращался со своей женой Деянирой из Калидона. Переправив жену героя на другой берег, Несс задумал похитить ее, но был остановлен стрелой Геракла.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Предсуществование

Существует много толкований этого сонета. Одни видят в нем отклик на пифагорейское учение о переселении душ, другие, например, Н. И. Балашов, прочитывают сонет как «отход поэта от поверхностных моментов прошлого этапа романтизма». В моем понимании (ни в коем случае не исключая другие) Бодлер здесь перевыражает высказанную впервые Августином мысль о том, что всякое знание есть воспоминание. Эта версия подтверждается прочтением скрытой метафоры (восьмой стих), где глаза неявно сравниваются с зеркалами. Так, в оригинале оборот *REFLETES PAR MES YEUX* можно перевести как *(Цвета заката), ОТРАЖЕННЫЕ В МОИХ ГЛАЗАХ* и как (...), *ОТРАЖЕННЫЕ МОИМИ ГЛАЗАМИ*. В переводе эта амфиболия передана двойным управлением глагола «зажгли». В сонете, таким образом, описывается «отражающее порождение» предсуществующей реальности.

Неудача

Попав в Аид, коринфский царь Сизиф упрямил Плутона отпустить его назад к людям, чтобы навестить жену, не воздавшую умершему посмертные почести. Но Сизиф не сдержал слова и не возвратился в царство мертвых, за что, после того как он прожил вторую жизнь и снова попал в Аид, Плутон наказал обманщика вечным тяжким и безрадостным трудом: едва Сизиф вкатывал на вершину скалы огромный камень, как глыба скатывалась к подножью — и все повторялось сначала.

Тема скалы и отколовшегося от нее камня, звучащая в сонете, имеет параллели в библейской мифологии. Когда Моисей вел свой народ через пустыню, кончилась вода. Общество, возроптав, стало укорять предводителя за то, что он увел соплеменников из Египта. И тогда Моисей услышал глас Господен, чтобы он попросил скалу, и скала даст из себя воду. Пророк ударил жезлом о скалу — и потекло много воды, и все напились (Числа 20:2). Камень, который откололся при этом от скалы, в христианстве символизирует Иисуса Христа и Новый Завет. Так, в «Литургическом богословии» поется: «Камень нерукосечный от несекомья горы, Тебе, Дево, краеугольный отсецеса, Христос, совокупивый расстояющаяся естества, тем, веселяся, Тя, Богородицу, величаем» (Октоих, Канон, 4 глас, 9 песнь).

Миф о Сизифе в контексте мифа о Моисее приобретает неожиданный символический смысл: камень, который Сизиф вкатывает на вершину скалы, из символа веры превращается в орудие пытки.

Сравнивая творческий акт с сизифовым трудом, Бодлер как бы полагает, что всякое произведение искусства заведомо несовершенно. В этом смысле несовершенно и само стихотворение «Неудача». Однако явные изъяны — композиционная невыстроенность, алогичность образных переходов — как раз подтверждает концептуальный смысл сонета: если эти «изъяны» допущены поэтом намеренно, то является ли «Неудача» неудачей?

Кстати, Брюсов назвал этот сонет «самым заносчивым» стихотворением Бодлера.

Балкон

Во французском языке обращение, начинающееся со слова *MERE* («Мать»), скорее всего будет молитвой к Богородице. В интонацию молитвы окрашено все стихотворение. Однако французы лишь в исключительных случаях допускают употребление оборота *MERE DE DIEU* («Мать Божья»), так как он паронимически ассоциируется со словом *MERDE* (груб. — «испражнение»). Бодлер намеренно употребляет в начале стихотворения именно этот оборот, соединяя низменное и возвышенное, ненависть и любовь.

Приглашение к путешествию

В ритмических рядах оригинала закодировано числовое отношение, основанное на пропорции «золотое сечение»: 5:8:13:21.

В оригинале ритмическое варьирование осуществляется за счет выпадения в четырнадцатом и двадцать первом стихах немого «е», что укорачивает их на один слог. В своем переводе я постарался воссоздать именно ритмическое своеобразие этого стихотворения.

Парижский сон

В поэме есть прямая образная цитата из Откровения святого Иоанна Богослова, где в 21-й главе описывается Новый Иерусалим: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец».

Смерть влюбленных

Сюжет стихотворения связан со старинным гаданием с помощью двух свечей и двух зеркал. На аналогичную тему написано несколько стихотворений и в русской поэзии, например, «Зеркало к зеркалу, с трепетным лепетом...» А. Фета.

Кризис стиха

Статья написана к двадцатилетию кончины Виктора Гюго. Малларме размышляет в ней о скрытых возможностях французского стиха, о глубинной сущности поэтического акта.

1. В *ЗАБВЕНЬЕ ЖЕСТА* — образ можно понять как «всецело отдавшись жесту», то есть творческому порыву, и, напротив, как «оставив жест» — то есть без эмфазы, с холодным умом. Такое начало не случайно. Удвоение, отражение, параллельность, симметрия — все это опорные понятия в концептуальном замысле Малларме. Поэт намеренно строит фразу так, что ее можно прочесть как иносказание, намек. Многие его речения построены по принципу ребуса, причем, чтобы его разгадать, необходимо обратиться к другим текстам поэта. При этом интерпретатор отнюдь не всегда с уверенностью может сказать, что его прочтение соответствует авторскому замыслу. Чаще оно «вчитывается» в текст им самим, что, впрочем, лишь усиливает удовольствие от подлинного духовного контакта с автором, если он все-таки имеет место.

2. *ЗАБЕСА* в храме отделяет святилище от Святого святых. В Библии сама собой разорвавшаяся завеса истолковывается как одно из знамений новой веры.

3. Здесь и далее Малларме рассуждает о французском стихосложении, которое, в отличие от русского силлаботонического, является силлабическим. Если силлабический стих лишить рифмы, он будет неотличим от прозы. Вот почему французы воспринимают верлибр иначе, чем русские. Для них он все еще стих, тогда как для нас — «недостих».

4. Французское слово *VOLER* совмещает в себе значения глаголов «летать» и «воровать», поэтому оборот *L'ABSTINATION DE VOLER* можно передать и как «воздержание от воровства», и как «воздержание от полета», при этом слово «летать» входит в парадигму понятий, символизирующих у Малларме литературный труд: «крыло», «перо», «оперение», «птица», «полет». (См. примеч. 10.)

5. Символ яйца развивает «орфическую тему» в творчестве Малларме, соприкасаясь с темой полета. Орфей, согласно мифу, испытывал благоговейный ужас перед яйцом, почитая его как колыбель всего сущего. (См. комментарий к сонету «Звонарь» и примеч. 6.)

6. Разгадка этой странной фразы — в ней самой. Малларме приписывает слову *ORTHOGRAPHE* («орфография») латеральное значение, основываясь на традиции произнесения в древних, а также некоторых современных языках (в словах-заимствованиях) буквосочетания ТН как звука (Ф). В результате *ORTHOGRAPHE* в данном контексте можно перевести как «орфическое описание». И действительно, в «Автобиографии» Малларме заявил, что видит своей целью «орфическое объяснение Земли». Тот факт, что Малларме склонен приписывать некоторым словам несвойственные им значения, заставляет внимательнее вчитываться в темные места его текстов. Об этом, похоже, предупреждает и Х. Л. Борхес, творчество которого пронизано реминисценциями из Малларме, если прочесть следующий фрагмент его «Вавилонской библиотеки» как скрытый комментарий к творческому методу, изобретенному французским поэтом: «Число *N* возможных языков использует один и тот же запас слов, в некоторых слово «библиотека» допускает верное определение: «всеобъемлющая и постоянная система шестигранных галерей», но при этом «библиотека» обозначает «хлеб» или «пирамиду» или какой-нибудь другой предмет, и шесть слов,

определяющих ее, имеют другое значение. Ты, читающий эти строки, уверен ли ты, что понимаешь мой язык?»¹. (См. комментарий к сонету «Бессонницы числом астрального декора...».)

7. *ПРАВДОПОДОБНО ПРОПЕТЫХ ТРУБОЙ* — в оригинале этому образу соответствует оборот *VERIDIQUIMENT TROMPETES*, при этом в контексте «архитектуры дворца» слову *TROMPETES* можно приписать новое значение, основанное на однокорневой омонимии со словом *TROMPER* — «обманывать» (о том, что это действительно художественный прием, свидетельствуют другие примеры), а также прочесть его как неологизм, образованный от слова *TROMPE* — «арка, возведенная на углу квадратного здания в виде полукруглой стены, над которой надстраивается свод». Переход квадрата в сферу олицетворяет у Малларме идею «квадратуры круга».

8. Здесь и далее Малларме провозглашает принцип безличности творца, по которому «не писатель мыслит свой язык, но язык мыслит в нем. Язык, в сущности, не используется «субъектом» для самовыражения, он сам есть субъект в онтологическом смысле» (С. Дубровский²). Поэт, по Малларме, — это медиум, интеллектуальное орудие Языка.

9. В соответствующем фрагменте оригинала оборот *POINT INEE OU PARTOUT* допускает двойное прочтение. Если *POINT* — глагольная форма, то это слово следует передать оборотом «пробиваться наружу» или «показываться». Но слово *POINT* можно прочесть и как усиленное отрицание, передаваемое оборотом «абсолютно не». Аналогично слово *PARTOUT*, сохраняя словарное значение «езде», приобретает латеральное значение благодаря фонетической идентичности с сочетанием *PARE TOUT* — «раздваивает всё».

10. В оригинале слово *VOLUME* и слово *VOLE* («книга» и «летит») стоят рядом. Учитывая склонность поэта к паронимическому переосмыслению самых обычных слов, подобное соседство нельзя считать случайным — случайности Малларме просто не допустил бы. Таким образом, слово *VOLUME* («книжный том») включается в парадигму понятий, символизирующих писательский труд (см. примеч. 4). Но, с другой стороны, слово *VOLE* допустимо перевести не только глаголом «летит», но и глаголом «крадет». Можно, поэтому, предположить, что Книга — это коллекция текстов, которые существовали в языке до того, как автор их «присвоил». Наконец, данный фрагмент является перифразом знаменитого определения поэзии, данного Платоном: «Нечто легкое, летящее и священное».

11. Малларме, похоже, намекает на литеры алфавита в каске типографской машины, бесконечные комбинации которых виртуально порождают все мыслимые и немыслимые тексты. «Книга — это тотальная экспансия буквы», — провозгласил Малларме в другом месте. Фантазмагорическое развитие этой метафоры мы находим в «Вавилонской библиотеке» Х. Л. Борхеса.

Окна

Образ *КРЫЛЬЯ БЕЗ ПЕРЬЕВ* в заключительной строфе поэмы отсылает читателя к мифу об Икаре. Но возможно и другое прочтение, основанное на прямом натуралистическом восприятии того образа. В истории философии известен анекдот о Платоне, который однажды так определил понятие «человек»: «Это двуногое с плоскими когтями (ногтями) и без перьев». Платона тут же высмеял киник Диоген, который

¹ Борхес Х. Л. *Проза разных лет* (М.: Радуга, 1984), с. 85.

² В кн.: Валери П. *Об искусстве* (М.: Искусство, 1976), с. 519.

продемонстрировал ученикам философа ощипанного петуха со словами: «Смотрите, вот человек Платона!» Наконец, *КРЫЛЬЯ БЕЗ ПЕРЬЕВ* — это иносказание, подразумевающее творческое бессилие, которое постоянно преследовало Малларме.

Звонарь

Я допускаю, что «Звонарь» Малларме является поэтическим откликом на «Неудачу» Бодлера. Если предположить, что шахта рудокопов в «Неудаче» есть своего рода философская антитеза колокольни в «Звонаре», то между образами обоих сонетов устанавливается смысловой параллелизм. Можно указать на фрагмент из Библии, общий для обоих текстов: «Человек полагает предел тьме, и тщательно разыскивает камень во мраке и тени смертной. Вырывают рудокопный колодезь в местах, забытых ногой, опускаются вглубь, висят и зыблются вдали от людей» (Иов 3—4). Что означает *КАМЕНЬ* в символической системе Малларме?

КАМЕНЬ Малларме, как и *КАМЕНЬ* Бодлера нельзя положить в основание храма. Из символа веры он превращается в символ сомнения, в философский камень поэзии.

Важно, однако, указать, что в «Звонаре» речь идет о православном колоколе (в католических колоколах ходит не язык, а чаша колокола, поэтому к ним не привешивают камня). Загадка «православия» Малларме объясняется тем, что во французском слове *ORTHODOXIE* («православие») присутствует тот же корень, что и в слове *ORTHOGRAPHE* (см. примечание 6 к статье «Кризис стиха»). Таким образом, поэт предлагает читателю скрытый неологизм, который можно перевести на русский язык как «орфославие».

Одиннадцатый стих сонета в дословном переводе звучит так: «Холодными грехами трепещет мое верное оперение». Если сравнить его с одиннадцатым стихом сонета «Лебедь» — «Но не ужас почвы, где схвачено его оперение», то смысл обоих темных речений полностью проясняется: перья лебедя, вмерзшие в лед, противопоставляются перу поэта, которое «застыло» в «холодных грехах» его поэтических экспериментов.

Подаяние

Малларме в экстравагантной форме перевыражает известный еще со времен античности анекдот. Однажды великому геометру Евклиду был задан вопрос, зачем нужна геометрия, если она не приносит никакой выгоды? Евклид приказал выдать вопрошающему обол, «ибо он ищет пользы».

«Едва коснется тень заветного числа...»

Стихотворение входит в цикл из четырех сонетов (мною переведено три), считающихся наиболее возвышенными произведениями Малларме, хотя поначалу они и отпугивают читателя герметизмом и вычурностью.

При рифмовке катренов поэт использует четыре (из пяти возможных во французском языке) рифмы: *VERTEBRES* («позвонки») — *FUNEBRES* («траурные») — *CELEBRES* («знаменитые») — *TENEBRES* («потемки»). За текстом осталась лишь одна нереализованная рифма — *ALGEBRES* («алгебры»). Слово «алгебра», возведенное во множественное число, есть

троп мощного образного воздействия. Почему Малларме отверг его? Мы лучше пойдем выбор поэта, если обратимся к часто цитируемому высказыванию Малларме: «Назвать предмет — значит на три четверти уничтожить прелесть, которая заключается в постепенном угадывании, внушить его — вот мечта».

Стихотворение прочитывается как признание поэта в творческом бессилии. Всего пять рифм оригинала предполагают некое загаданное содержание будущего сонета, идеально подходящее для этих рифмуемых слов и ими же порожаемое. Но поэт не может найти идеальное содержание для этой рифменной рамки, хотя и верит в его «предсуществование» в языке.

Лебедь

Мифологический сюжет сонета восходит к легенде о Сикнусе (Лебеде), сыне Аполлона и Ирии. Небывалая красота Сикнуса сочеталась в нем с неуживчивым нравом, поэтому в конце концов его покинули все друзья, последним из которых был Филиус — бог дружбы. Не выдержав одиночества, Сикнус бросился в озеро, но Юпитер не дал ему погибнуть и обратил в лебедя, а затем внес в Зодиак.

Нельзя экстраполировать легенду на биографию поэта прямо. Малларме был обаятельным и общительным человеком, в его доме на улице Ром собирались все интеллектуалы Европы. Однако художественные искания поэта были поняты лишь немногими. Стихотворение «Лебедь» — об одиночестве Малларме-поэта, а не Малларме-человека.

«Бессонницы числом астрального декора...»

В первоначальной версии стихотворение называлось «Сонет-аллегория самого себя». В нем использованы почти все рифмы, оканчивающиеся на звукообраз (IKS). Рифмовка оригинала сохранена в переводе. Если этот звукообраз прочесть как символ неизвестного в математике, то окончание «икс» будет олицетворять множество всех возможных рифм, в том числе и самое себя. Знак, означающий самого себя, — это одно из воплощений умирающего и возрождающегося из пепла Феникса.

Единственный во всем корпусе текстов Малларме явный неологизм *PTYX* паронимически связывается с сочетанием *PETITE IXE* («маленький икс»). Кроме того, французские комментаторы обнаружили в одном из редких словарей, что слово *PTYX* — древнегреческого происхождения и означает вид морского моллюска. В оригинале, действительно, говорится о некой «устраненной безделушке звучной ненужности» — *ABOLI BIBELOT D'INANITE SONORE*, где слово *BIBELOT* паронимически ассоциируется со словом *BIBLIOTHEQUE* («библиотека») и *BABILONE* («Вавилон»). Х. Л. Борхес продемонстрировал свое понимание этого образа Малларме, назвав один из своих рассказов «Вавилонская библиотека».

Зрительный образ раковины, занимающий известное место в эротических композициях рококо (кстати, в стихотворении Малларме «Негритянка» это уподобление прочитывается недвусмысленно), может быть истолкован и в противоположном смысле: конфигурацией спиралевидного конуса морская раковина напоминает Вавилонскую башню, как ее изображали на старинных гравюрах. Но башня, попадая в поле контекстов, связанных с эротическими аллюзиями, переосмысливается как символ мужского плодородия. Таким образом,

«маленький икс» Малларме — это фалло-вувльвическая эмблема, как одно из воплощений Феникса. Такое прочтение подкрепляется истолкованием образа Феникса у Бодлера в поэме «Семь стариков»: *DEGOUTANT PHENIX, FILS ET PERE DE LUI MEME?* («Омерзительный Феникс, сын и отец самого себя?»), где «отец и сын» (Бодлер намеренно меняет эти слова местами, маскируя богохульную аллюзию) обозначают дуальную божественную ипостась в католицизме.

НИКСЫ — три женских божества, к которым римлянки зывали при трудных родах.

ЕДИНОРОГ в сочетании с *ЗЕРКАЛОМ* в средневековье был магически связан с девственностью и непорочностью.

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Роза и Мильтон

Борхес, как и Мильтон, познал слепоту и встретил старость полностью незрячим. Если восприятие зрением совершается нами почти мгновенно, то восприятие осязанием — это целый процесс, оставляющий время для мыслей, в старости чаще печальных.

Эдипова загадка

В основе сонета — древнее иносказание о младенчестве, зрелости и старости. Образный ряд стихотворения переключается с причудливой метафорой Поля Валери: «...и каждый человек влачит за собой вереницу чудовищ, нерасчленимо сотканых из его движений и последовательных метаморфоз его тела»¹.

Everness

Английский неологизм *EVERNESS* можно перевести как «вечное всегда». Мне кажется, это слово придумано Борхесом в качестве поэтического антонима знаменитому рефрену из «Ворона» Эдгара По: *NEVERMORE* — «больше никогда».

Religio Medici, 1643

Латинское название сонета можно перевести как «Уповаю на исцеление». Оно восходит к одноименной книге английского философа Т. Брауна, пытавшегося примирить религию и науку.

Он

В НЕМ РДЕЮТ ТИГРЫ И ЧЕРНЕЮТ ГИДРЫ — читатель, в памяти которого запечатлелись сюжеты, традиционные для чернолаковой древнегреческой керамики, возможно, вспомнит один из них — Геракл в плаще из львиной шкуры сражается с многоголовой гидрой. Эта слегка «скошенная» реминисценция, налагаясь на библейский миф об Авеле и Каине, порождает образный параллелизм, углубляющий концептуальный смысл сонета.

¹ Валери П. *Об искусстве* (М.: Искусство, 1976), с. 214.

Содержание

От переводчика	3
ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ	
К Лесбии	7
К Фабулле	8
КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК	
К Левконое	9
АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ	
Разочарование	10
ШАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ	
Показчики	11
ЖОЗЕ МАРИА ДЕ ЭРЕДИА	
Несс	12
ФРАНСУА КОППЕ	
Одиночество	13
АРМАН СЮЛЛИ ПРЮДОМ	
Тени	14
ШАРЛЬ БОДЛЕР	
Воспарение	15
Предсуществование	16
Соответствия	17
Враг	18
Неудача	19
Балкон	20
Необратимость	22
«Тебе мой гордый стих! Коль с именем моим...»	24
«О, что нам ей сказать, душа моя, сегодня...»	25
Гармония вечера	26
Приглашение к путешествию	27
Парижский сон	29
Смерть влюбленных	32
Сосредоточение	33
Лесбос	34

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

Кризис стиха	37
Окна	50
Звонарь	52
Летняя печаль	53
Вздых	54
Лазурь	55
Подаяние	57
«Едва коснется тень заветного числа...»	59
Лебедь	60
«Бессонницы числом астрального декора...»	61

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Через три года	62
Томление	63
Моя сокровенная мечта	64
Обет	65
«Надежда вновь блестит соломинкой в сарае...»	66

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Листва	67
Отпечаток	68
Садовый вор	69
Пленница	70

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Роза и Мильтон	71
Эдипова загадка	72
Everness	73
Пробуждение	74
Religio medicī, 1643	75
В лабиринте	76
Лабиринт	77
Он	78
Угрызение	79
Фрагменты апокрифического евангелия	80
Комментарий	83
Содержание	95